

Modal Categories of the Portuguese Grammar in the Mirror of Logical Analysis - II

N.V. Ivanov

MGIMO UNIVERSITY
76, prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. This publication is the second part of the paper dedicated to the aspects of the logical analysis of the grammatical modality forms in the Portuguese language. The first part deals with the general nature of the modality in speech and language, distinguishing two levels of modality in language – a nominal and a verbal one – and seeing how they are embedded in the morphology of the Portuguese language. This part distinguishes and analyses the modi of the predicative modality in Portuguese. Several Portuguese grammatical examples are given to prove the extent to which the Portuguese verbal morphology corresponds to the logical conditions of the contextual truth of a sentence in accordance with the classical formal logic and the modern modal logic. Two kinds of modal predicative taxis are distinguished: an independent and a dependent one. The independent modal taxis operates on the basis of the laws of the classical formal logic that regulate the coordination of truth functions of the correlative sentences in the context. The modes of coordination in the independent modal taxis express one of the three kinds of logical relation between sentences: contrariety, sub-contrariety, and contradiction. The dependent modal taxis is governed by the principles of the intensional (modal) logic that determine the subordination of the dependent clause in its truth modality to the main clause. The truth modal subordination of the dependent clause to the main clause is based on the deontic opposition between the real and the possible worlds. The paper gives a logical explanation why, in Portuguese, not only the virtual, but also the real events (objective facts) are designated by the forms of subjunctive (i.e. conditionally untrue forms) tenses. Respectively, the independent modal taxis is defined as coordinative, and the dependent modal taxis is defined as subordinative one. The paper may be of interest to specialists in general linguistics, logical analysis of language, theoretical grammar, Romance languages and the Portuguese language studies.

Keywords: predicative modality, verbal mood, independent modal taxis, dependent modal taxis, possible worlds semantics, the Portuguese language

For citation: Ivanov, N.V. (2025). Modal Categories of the Portuguese Grammar in the Mirror of Logical Analysis - II. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(1), pp. 8–27. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-42-8-27>

Модальные категории португальской грамматики в зеркале логического анализа - II

Н.В. Иванов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Настоящая публикация представляет собой вторую часть статьи, посвящённой логическому анализу форм грамматической модальности в португальском языке. В первой части статьи рассматривались общие вопросы природы модальности в речи и в языке, выделялись номинативный и предикативный уровни языковой модальности, рассматривались способы их морфологического закрепления в португальском языке. В настоящей части статьи проводится анализ модусов предикативной модальности в португальском языке. В основе предикативной модальности лежит истинностная функция предложения. На примерах португальской грамматики показывается, насколько модальная морфология португальского глагола отвечает логическим условиям контекстной истинности предложения в соответствии с законами формальной логики и принципами модальной логики. По аналогии с темпоральным таксисом, в котором действуют законы согласования времён, выделяются и рассматриваются модусы независимого и зависимого модального таксиса, для которых характерна модально-истинностная взаимобусловленность предложений. В независимом модальном таксисе действуют законы классической формальной логики, которые регулируют способы логического истинностного согласования между соотносительными единицами таксиса. Модусы истинностного согласования в независимом модальном таксисе выражают тот или иной тип логического отношения между предложениями – единицами таксиса, а именно: отношение контрарности, субконтрарности или контрардикторности. В зависимом модальном таксисе в силу вступают законы интенциональной (модальной) логики, которые определяют порядок истинностного подчинения придаточного предложения главному. Истинностное подчинение придаточного предложения главному в зависимом модальном таксисе строится на базе деонтической оппозиции реального и возможного миров. Даётся логическое объяснение, почему в ряде случаев в португальском языке не только виртуальное, но и реальное событие (объективный факт) может маркироваться формой сослагательного (то есть условно неистинного) наклонения. Соответственно, независимый модальный таксис именуется координативным, зависимый модальный таксис именуется субординативным. Статья может быть интересна специалистам в области общего языкознания, логического анализа языка, теоретической грамматики, романского языкознания и португалистики.

Ключевые слова: предикативная модальность, наклонение, независимый модальный таксис, зависимый модальный таксис, семантика возможных миров, португальский язык

Для цитирования: Иванов Н.В. (2025). Модальные категории португальской грамматики в зеркале логического анализа – II. *Филологические науки в МГИМО*. 11(1), С. 8–27. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-41-8-27>

1. ВВЕДЕНИЕ

Понятие таксиса (от греч. τάξις – строй, порядок, расположение), введённое в научный обиход Р.О. Якобсоном, занимает одну из ключевых позиций в терминологическом аппарате современной функциональной грамматики. Таксис это, прежде всего, связочная («коннекторная» [21, с. 46–47]) категория. «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [18, с. 101]. Как можно видеть, эта категория расширяет перспективу функционального согласования в грамматике, выводя её за рамки предложения в область более широких контекстных взаимосвязей. При этом содержательным основанием грамматического согласования, по мысли Р.О. Якобсона, должна быть предметная семантика предложения. Иными словами, межпропозициональное согласование в таксисе должно быть исключительно объективным, лишённым каких-либо субъективных смысловых примесей, мыслиться в отрыве от каких-либо внешних коммуникативных мотиваций.

При таком понимании категория таксиса продолжает и усиливает дихотомию диктума и модуса, предложенную Ш. Балли [2, с. 44–45] для терминологического разграничения объективной (предметно-семантической) и субъективной (экспрессивной смысловой) сторон высказывания, выводя её на новый уровень, в область межпропозициональных связей и отношений. В каком-то смысле категория таксиса Р.О. Якобсона противостоит теории актуального членения В. Матезиуса [14]. Если теория В. Матезиуса развивает дихотомию диктума и модуса в сторону модуса (субъективной стороны высказывания), то теория Якобсона развивает эту дихотомию в сторону диктума (объективной стороны высказывания). Риторика межпропозициональных связей и грамматика межпропозициональных связей должны до какого-то момента рассматриваться раздельно.

Категория таксиса достаточно продуктивно работает в современной грамматике, прежде всего при объяснении грамматических моделей согласования времён между предложениями в различных языках (см.: [3, с. 237], [12, с. 504–505], [17]). Однако темпоральный таксис – это лишь одна сторона грамматического межпропозиционального согласования, к которой, безусловно, должна быть подключена другая его сторона. Это – сторона истинностного согласования предложений, в котором истинность одного предложения соотносится с истинностью другого, соседнего, и которое выражается через морфологию глагольных наклонений. Эта сторона требует подключения к анализу отношений между единицами таксиса логических категорий. Грамматическая глагольная модальность имеет логические основания. Параллельно темпоральному таксису следует ввести и исследовать отношение *модального таксиса*, регулирующего истинностную функцию предложения относительно других предложений в контексте. О назревшей необходимости изучения логического, или модального, аспекта таксиса говорят исследователи (см. [1, с. 20], [13, с. 310]).

Не следует смешивать модальный таксис с понятием «модуса», о котором говорил Ш. Балли, понимавший под этим экспрессивную смысловую направленность высказывания. Модальный таксис игнорирует экспрессию. Исследуя модальный таксис, мы всё ещё остаёмся на почве диктума, имея в виду его истинностную интерпретацию средствами грамматики. Модальный таксис открывает нам картину истинностного подчинения, истинностной конкуренции или истинностного нейтралитета предложений в контексте.

По аналогии с темпоральным таксисом мы выделяем независимый и зависимый виды модального таксиса, исследуя их сопряжённость с законами формальной логики и с принципами интенциональной (модальной) логики.

Исследование проводилось на материале португальского языка, который в своей глагольной морфологии наиболее полно воплощает логическую природу модальности в языке.

2. ЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕЗАВИСИМОГО МОДАЛЬНОГО ТАКСИСА

Независимый модальный таксис характеризует логическое отношение внешних друг другу событий. Ни одно из них не является частью другого. Но в то же время между ними присутствует и выделяется говорящим истинностная логическая взаимообусловленность. Взаимное отношение событий с точки зрения их истинностного статуса может быть нейтральным, противоположным или взаимоисключающим.

2.1. Отношение контрарности

Для примера возьмём два факта: *Он был болен* и *Он пришёл на работу*. В португальском языке между этими фактами можно установить различные логические отношения с использованием модальных форм глагола.

Рассмотрим отношение уступки: (1) *Embora ele estivesse doente, chegou ao trabalho* (Хотя он **был** болен, он **пришёл** на работу). После союза *embora* (хотя) в португальском языке используется форма *Modo Conjuntivo*, то есть глагольный модус, который по нашей классификации характеризуется как условно неистинный (см.: [10, с. 17]). Уступка – это отрицательная, ложная причина, то есть причина, которая противоречит реальному положению дел. За уступкой стоит *контрарное* отношение двух суждений. Контрарное отношение характеризуется истинностной несовместимостью связываемых фактов. И в данном примере два факта противоречат друг другу, между ними возникает истинностный конфликт. Каждый из них отрицает истинность другого (поскольку предполагается, что «работающий не должен быть больным», а «больной человек не должен приходить на работу»). Португальский язык вытесняет один из фактов в область виртуальной реальности, игнорируя его статус как фактической реальности.

Отметим, что португальский язык, использующий при выражении ложной причины форму условно неистинного наклонения (*Modo Conjuntivo*), подчёркивает это отношение в полном соответствии с законами формальной логики, согласно которым при контрарном отношении два суждения не могут быть вместе истинными: одно из них должно быть истинным, другое – ложным [16, с. 185]. Собственно, это и показывает португальский язык в форме грамматической уступки, где в уступительной части периода используется условно неистинное наклонение (*Modo Conjuntivo*), а в утвердительной части периода – абсолютно истинное наклонение (*Modo Indicativo*). Противостоящие друг другу факты связываются как смежные звенья в рамках единой ситуационной цепи. С точки зрения русского языка, как и многих других языков, подобная логическая «щепетильность» португальского языка кажется избыточной: опоры на категорию сослагательности (*Modo Conjuntivo*) при выражении уступки в русском языке не требуется. Данное логическое отношение выражается в русском при помощи обычных средств, при помощи формы *Modo Indicativo*. Несомненно, что соответствующее истинностное отношение в русском языке мыслится, но не маркируется грамматически.

Возьмём другое логическое отношение – отношение гипотетического условия: (2) *Se ele estivesse doente, não teria chegado ao trabalho* (Если **бы он был** болен, он **бы не пришёл** на работу). В условной части условного гипотетического периода стоит форма *Modo Conjuntivo* (условно неистинного наклонения), в утвердительной части периода – форма *Modo Condicional* (условно истинного наклонения). Истинность фактического утверждения здесь зависит от истинностного статуса условия¹. Гипотетическое условие всегда является неистинным, соответственно, истина

¹ «Кондиционалис (*Modo Condicional*) обозначает действие, которое ограничено какими-то условиями, т.е. может считаться истинным только в силу допущения каких-то условий» [9, с. 396]. Некоторые португальские учёные не признают за кондиционалисом статус наклонения, считая его временной формой [19, с. 394–395].

утверждения в данной логической связке должна пониматься с обратным знаком: мы показываем истину как бы с обратной стороны. Такое условное утверждение ещё принято называть *контрфактическим*²: формально здесь даётся отрицание (*não teria chegado... = не пришёл бы...*), но на самом деле обозначается положительная истинная реальность, поскольку фактически человек на работу всё-таки пришёл. Контрфактическое обозначение, как никакое другое, подчёркивает действие логического закона исключённого третьего³.

Перенесём отрицание из правой части в левую: (22) *Se ele não estivesse doente, teria chegado ao trabalho* (Если бы он не был болен, он бы пришёл на работу). В данном случае в реальной действительности человек на работу не пришёл: через утвердительную форму показывается то, чего нет фактически. В гипотетическом условии всегда выражается либо потенциальная возможность, либо упущенная возможность в прошлом. В условном гипотетическом периоде, как и в уступке, мы также имеем отношение контрарности – с той лишь разницей, что оба утверждения, как таковые, в нём являются неистинными. По правилу формальной логики (по логическому квадрату) контрарные суждения не могут быть вместе истинными. В то же время они могут быть вместе ложными [16, с. 186]. Эту зависимость в полной мере отражают категориальная семантика и функциональные условия употребления условного и сослагательного наклонений в условном гипотетическом периоде в португальском языке. Каждое из предложений здесь контрфактически отрицает истинность другого предложения. В каждом из предложений представлена ложная картина мира, но мы понимаем это через контрфактическую семантику другого предложения.

Исходя из сказанного, мы можем обозначить уступку как *фактическую контрарность*, при которой оба противоречащих друг другу факта реальны, но при этом один из них фальсифицирует истину другого, в силу чего тот переводится в разряд ложного суждения (ложной единицы таксиса). Условный гипотетический период мы можем обозначить как *контрфактическую контрарность*, при которой обе единицы таксиса ложны, обозначая то, чего нет в действительности.

Следует заметить, что сближение истинного и неистинного или условно истинного и условно неистинного в единой синтаксической конструкции осуществляет человек. Грамматическая модальность со своей внешней стороны, безусловно, объективна, поскольку отражает связь событий в реальном мире. Однако, со своей внутренней стороны, как операция сознания, она есть не столько модель поведения объекта, сколько модель познавательного поведения субъекта, который выделяет эту взаимосвязь, делает её релевантной. Без этого выделения данные факты были бы просто цепочкой событий (*Он был болен. Он пришёл на работу*), между которыми можно помыслить любую логическую связь. Так, фактическая контрарность (уступка) может быть выражена описательно в форме речевой перифразы через противительные союзы без каких-либо изменений модальной глагольной морфологии: *Ele estava doente, todavia ele chegou ao trabalho* (Он был болен, **однако** он пришёл на работу). В этих синтаксических сочетаниях никаких форм *Modo Conjuntivo* не требуется, всё выражается через *Modo Indicativo*. Тем не менее, отношение контрарности здесь вполне очевидно, дано через риторическую фигуру на основе противительного союза, то есть союза, частично фальсифицирующего истинностный статус предыдущего суждения.

² Контрфактическое (иногда используется термин «контрфактивное») суждение обозначает обратное (противоположное) тому, что я вижу или представляю как фактическую данность. Обозначая обратное реальному, контрфактическое привязано к нему, зависит от него, являясь его семантической альтернативой [6, с. 10]. Контрфактическое обозначается через условное и/или через сослагательное наклонение. В португальском языке контрафактические обозначения особенно активно применяются в формах зависимого модального таксиса.

³ Закон исключённого третьего устанавливает границу между мыслимым и немыслимым в знаке. Этот закон выражает своеобразную дихотомию знака: обозначая то, что есть, мы имплицуем – пусть абстрактно и неопределённо – то, чего нет, и, напротив, обозначая то, чего нет, мы мыслим то, что есть, реально существует. *Tertium non datur*, как незримый логический «контролер», служит границей между эксплицитным и имплицитным, предполагая потенциальную более или менее эквивалентную замену одного другим, допуская перевод имплицитного в эксплицитный план и, наоборот, перевод эксплицитного в план имплицитный. Мир возможного и мир реального в мысли соотносятся как иное друг друга. Реальное «не может жить» без импликации, провоцирует ресурс виртуального, не обозначенного в знаке. С другой стороны, такое трансграничное отношение реального и виртуального предполагает, что можно обозначить реальное через виртуальное (т.е. от обратного). Контрфактическая семантика обозначает то, чего нет, но при этом в ней отрицательно мыслится то, что реально есть. Контрфактическое даёт нам понимание реального от обратного.

В каждом языке имеется большое число противительных союзов, способных выражать такого рода логическую фальсификацию одного суждения через другое (то есть ложную или частично ложную связь между единицами таксиса, где одно суждение частично отменяет истину другого): порт. *mas, entretanto, no entanto, contudo, ainda assim, porém etc.*; рус. *но, вместе с тем, между тем, тем не менее, при этом, несмотря на это и т.д.*

Характерное теоретическое замечание, касающееся потенциального параллелизма морфологических и более высоких структурных форм, делает В.А. Плунгян: «Существенно, что одно и то же значение может выражаться как морфологически, так и неморфологически, причём не только в разных языках, но и в пределах одного языка... Можно, видимо, сделать и более сильное утверждение: большинство морфологических значений имеет в том же самом языке и неморфологические корреляты» [15, с. 100–101]. В полной мере это касается форм выражения модальности, в частности, в португальском языке.

Истинностная регуляция таксиса в речевом опыте языка чрезвычайно разнообразна. В каждом языке существует множество способов описательного выражения истинностных отношений между фиксируемыми в предметном представлении сознания фактами, то есть отношений контрарности, субконтрарности, контрадикторности или подчинения, для которых не требуется привлечения каких-либо иных модальных глагольных категорий, помимо изъявительного (*Modo Indicativo*). Здесь мы не будем подробно касаться этого вопроса. Грамматика – это лишь предельная семантическая концентрация отношений таксиса, к которой прибегает человек, достигая таким путём максимальной ёмкости предметного понимания действительности. Всякая модальность эксплицирует себя через контекст, мотивирована извне [7, с. 141].

2.2. Отношение фактической (истинной) субконтрарности

Своего логического объяснения требуют также формы абсолютно истинной и абсолютно неистинной предикативных модальностей в португальском языке, то есть, соответственно, формы *Modo Indicativo* и *Modo Imperativo*. Здесь мы должны будем обратиться к логическим отношениям субконтрарности и контрадикторности. Первое характеризует минимально строгое логическое отношение между единицами таксиса, второе – максимально строгое логическое отношение между ними.

Отношение субконтрарности может быть названо слабой формой контрарности. Это отношение выражает (или имплицитно) частичную истинностную совместимость двух суждений. Частичная истинностная совместимость и частичная истинностная несовместимость – это две стороны одной медали. Одно здесь предполагает другое: если две вещи или два факта частично совместимы, то, значит, в другом своём аспекте они частично несовместимы. Субконтрарность обращает нас к позитивной стороне отношения единиц таксиса, в то время как контрарность – к негативной стороне этого отношения.

Впрочем, здесь выделяется одно важное отличие: при субконтрарном отношении, в отличие от контрарного, два соотносимых суждения могут быть вместе истинными, но они не могут быть вместе ложными [16, с. 192] (напомним, что при контрарном отношении два суждения могут быть вместе ложными, но не могут быть вместе истинными). Таким образом, контрарность и субконтрарность совпадают лишь в том, что и там, и там допускается истинность одного суждения и неистинность другого [там же, с. 185, 192]. Представим совпадающий и несовпадающий варианты истинностного отношения единиц таксиса друг к другу схематически:

Эксплицитные фигуры модального таксиса

		совпадающий вариант истинностного отношения двух суждений (одна единица таксиса истинностно эквивалентна другой единице)		несовпадающий вариант истинностного отношения двух суждений (одна единица таксиса истинностно неэквивалентна другой единице)	
1	контрарность	1-я фигура модального таксиса	контрфактическая контрарность (гипотетическое условие: отрицательная истинностная взаимообусловленность двух единиц таксиса)	3-я фигура модального таксиса	фактическая контрарность (уступка)
			1 суждение		1 суждение
			ложное		ложное
2	субконтрарность	2-я фигура модального таксиса	фактическая субконтрарность (простое перечисление фактов)	4-я фигура модального таксиса	контрфактическая субконтрарность (понимание истинного через неистинное)
			1 суждение		1 суждение
			истинное		истинное

На схеме мы видим, что отношение субконтрарности (в отличие от отношения контрарности, при котором два суждения могут быть взаимно ложными) допускает взаимную истинность двух суждений, то есть их истинностную совместимость. Таким образом, в левой части схемы обозначены 1) истинностно эквивалентный таксис, включающий совпадающую контрарность (отношение ложное – ложное) и совпадающую субконтрарность (отношение истинное – истинное); 2) в правой части обозначен истинностно неэквивалентный таксис (отношение истинное – ложное), который равно применим как для отношения контрарности, так и для отношения субконтрарности (порядок следования суждений значения не имеет).

Совпадающее отношение субконтрарности (истина – истина), при котором истина одного события не противоречит истине другого, выражается через модальную форму *Modo Indicativo* – логически наиболее независимую и нейтральную. Возьмём тот же пример: Он был болен. Он пришёл на работу. Факты подаются изолированно друг от друга, каждый – в своём суждении. Логическая связь между ними предельно ослаблена. Наиболее общим и наиболее слабым видом связи является конъюнкция (и..., и...). На этой основе возникает простое индуктивное перечисление фактов. Возможная контрарная сторона истинностного отношения двух единиц таксиса при этом остаётся вне поля зрения, каждое суждение полагается как в-себе истинное и не затрагивающее возможную истинность другого суждения. Говорящий не стремится выделить между двумя суждениями какое-либо противоречие. Взаимная логическая регуляция единиц таксиса как бы отсутствует, не переходит в план выражения. Такое отношение единиц таксиса друг к другу, при котором ни одно из них не «посягает» на истинность другого, может быть обозначено как *фактическая субконтрарность*.

Для фактической субконтрарности характерно истинностно *индифферентное* отношение единиц таксиса друг к другу. Напротив, для контрарного отношения (фактической контрарности) характерно истинностно *конкурентное* отношение единиц таксиса друг к другу, где одна единица частично ограничивает истинность другой. И там, и там действует смысловая импликация: в одном случае мы ищем основание смысловой совместимости двух единиц таксиса, в другом – мы ищем основание их смысловой несовместимости. Истинностно индифферентное отношение не требует изменения грамматического модуса в языковом выражении: всё выражается через формы абсолютно истинного наклонения – *Modo Indicativo*. Истинностно конкурентное отношение, напротив, требует изменения грамматического модуса в языковом выражении, – прежде всего, использования *Modo Coniunctivo*, приводящего к ослаблению истинностного статуса одной единицы таксиса относительно другой (что, собственно, и маркируется соответствующей модальной морфологией глагола в португальском языке).

2.3. Контрфактическая (ложная) субконтрарность

Субконтрарность изначально не предполагает ложного отношения единиц таксиса друг к другу. Тем не менее, такое отношение контрфактического таксиса в ряде случаев возникает и маркируется в португальской грамматике при помощи сослагательного наклонения (*Modo Conjuntivo*). Назовём такое отношение *контрфактической субконтрарностью*.

С формальной точки зрения контрфактическая субконтрарность и фактическая контрарность (то есть уступка как операция перевода реального в условно нереальный план) родственны друг другу, в силу чего на схеме выше граница между этими двумя видами модального таксиса обозначена пунктирной линией. Вместе с тем, если в обычной уступке мы видим и подчёркиваем в соотносительных единицах таксиса реальное противоречие двух обозначаемых событий друг другу (*Человек был болен и Человек пришёл на работу*), то в случае контрфактической субконтрарности реально существующее отношение между событиями уходит на задний план, в импликацию, а на «авансцену», в план эксплицитного выражения, выходит виртуальное отношение, которое подчёркивает истинностную границу между связываемыми в таксисе двумя событиями.

Контрфактическое субконтрарное маркирование может быть двух типов: либо фактическое условно переводится в область виртуальной реальности (то есть подаётся как условно несуществующее), либо виртуальное воображаемое условно переводится в план фактического существования (и понимается как условно существующее).

А. Рассмотрим тот вид контрфактической субконтрарности, в котором реальное маркируется как условно нереальное.

- (3) *Vou para casa logo que (antes que) chova* (Я пойду домой как только (прежде чем) **пойдёт** дождь).
- (4) *Ela disse que desligava o computador quando **começasse** a trovada* (Она сказала, что выключит компьютер, когда **начнётся** гроза).⁴

В примерах (3), (4) все придаточные предложения являются придаточными времени, в которых глаголы в форме, соответственно, *Presente do Conjuntivo* и *Inperfeito do Conjuntivo* (... *logo que chova*; ... *quando começasse a trovada*) выражают действие, которое должно произойти после действия, обозначенного глаголом главного предложения. Глагол придаточного в форме *Modo Conjuntivo* выражает потенциальную границу главного действия, к которой это действие движется в своём развитии. В португальских грамматиках отмечается, что форма *Modo Conjuntivo* глагола в такого рода придаточных открывает *временную перспективу (perspetiva temporal)* развития главного действия, представленного глаголом главного предложения [20, с. 267]. Форма *Modo Conjuntivo* второго глагола показывает, к чему устремлено действие, выражаемое первым глаголом.

Если действие, выражаемое глаголом придаточного, локализуется в одновременном или в прошедшем плане относительно глагола главного предложения, и, значит, временная перспектива – темпоральная переходность от первого действия ко второму – исчезает, то никакого *Modo Conjuntivo* для глагола придаточного не требуется. Это мы видим в примерах (5), (6):

- (5) *Fui para casa logo que (antes que) **começou** a chover* (Я пошёл домой, как только (прежде чем) **начался** дождь);
- (6) *Ela desligou o computador quando **começou** a trovada* (Она выключила компьютер, когда **началась** гроза);

В то же время, при малейшем появлении темпоральной перспективы при переходе от главного действия к вторичному, даже если это касается действия в прошлом, португальский язык использует форму *Modo Conjuntivo* в придаточном.

⁴ Примеры (3) и (4) взяты из португальской грамматики [20, с. 265].

- (7) *Abriu a reunião antes que todos **chegassem*** (Он открыл собрание, прежде чем все **пришли**);
- (8) *As exigências ... eram fortes... /Os membros da equipa/ eram obrigados a comerem todos juntos... Eles só poderiam comer quando a última pessoa **estivesse sentada** para a refeição e só poderiam sair depois que todos **tivessem terminado*** (Требования были жёсткими... /Члены команды / были обязаны принимать пищу все вместе... Они могли начинать есть, только когда последний человек **сел** /за стол/, и могли выходить /из-за стола/, только после того как все **закончили есть**);
- (9) *Antes que o rapaz **dissesse** alguma coisa, uma mariposa começou a esvoaçar entre ele e o velho / Coelho P. O Alquimista/* (Прежде чем юноша **успел сказать** что-либо, между ним и стариком стала порхать бабочка).

Очевидно, что во всех приведённых выше случаях использования *Modo Conjuntivo* в темпоральной функции второе действие условно полагается как ещё не наступившее. В то же время это действие обуславливает истину первого, эксплицируя его истинностный статус в темпоральной перспективе.

Не забудем, что контрфактическая семантика в знаке обозначает реальное событие антонимически, то есть от противного, и мы узнаём то, что есть, через то, чего нет, ещё нет или как бы нет.

Б. Рассмотрим другие характерные для португальского языка структурные модели контрфактического субконтрарного таксиса, где виртуальное «вторгается» в мир реального. Среди этих моделей мы выделяем потенциальные способы выражения условия и уступки.

Формы потенциального условия в португальском языке:

- (10) *Ele pede licença para entrar, **como se ninguém lha desse*** (Он просит разрешения войти, как будто никто **ему его не даст**).

Формы потенциальной уступки в португальском языке:

- (11) ***Qualquer que fosse** a nossa proposta, o Pedro devia aceitá-la* (Каким бы ни было наше предложения, Педро должен был его принять).
- (12) *Vá ele **onde for**, voltará ao lugar donde saiu* (Куда бы он ни пошёл, он вернётся в то место, откуда вышел).
- (13) ***Por mais forte que ele seja**, não poderá levantar este peso* (Каким бы сильным он ни был, он не сможет поднять этот вес).

В конструкциях с потенциальным условием или потенциальной уступкой контрфактически маркируется потенциальная граница действия, выражаемого глаголом главного предложения.

В языковом выражении синтаксическая конструкция с придаточными кажущегося условия или потенциальной уступки воспроизводит форму энтимемы (то есть сокращённого силлогизма, в котором опускается одна из посылок), построенной по правилу второй фигуры. Вторая фигура в логике предназначена для контраргументации, то есть для опровержения – полного или частичного – какого-то факта или признака [16, с. 240]. Вывод представлен главным предложением с глаголом-сказуемым в форме *Modo Indicativo*, посылка представлена придаточным предложением с глаголом-сказуемым в форме *Modo Conjuntivo*. В наших примерах вместе с выводом остаётся несогласная (т.е. противная выводу) посылка и опускается согласная (т.е. непротивная выводу) посылка.

Для нас имеет значение не буквально отрицательная семантика того или иного предложения, а *истинностное согласование* контрфактической потенциальной посылки (которая обозначает то, чего нет в реальности) и вывода, где истинное (в выводе) обосновывается через неистинное (в посылке).

2.4. Отношение контрадикторности

Частное индуктивное отрицание, которое лежит в основе отношения контрарности, является неполным аналогом тотального дедуктивного отрицания, которое лежит в основе отношения контрадикторности. Контрадикторность – это крайняя форма контрарности, а контрарность –

это слабая форма *контрадикторности*. Практическим выражением отношения контрадикторности в языке является повелительное наклонение – *Modo Imperativo*, формы личных окончаний которого в португальском языке при отрицательном повелении полностью совпадают с личными формами *Modo Conjuntivo*, в положительном повелении с личными формами *Modo Conjuntivo* совпадают все формы *Modo Imperativo* кроме форм 2-го лица.

Modo Imperativo можно назвать имплицитным модальным таксисом, поскольку одна из единиц таксиса вытесняется из плана выражения в область импликации. С точки зрения логического подхода *Modo Imperativo* является выражением деонтической модальности (то есть модальности долженствования): этот модус выражает то, что должно быть. На это обращают внимание в исследованиях по грамматике [20, с. 247], [9, с. 294]. С формальной точки зрения это означает *усиление* истинностного статуса суждения: *faz isso* (сделай это) означает «ты **должен** сделать это», *não vás lá* (не иди туда) означает «ты **не должен** идти туда».

Деонтическая модальность двойственна. Она сильна своим отрицанием реального. Эксплицитная деонтическая сторона содержания абсолютно отрицает имплицитную фактическую сторону: если ты что-то должен сделать, значит, ты этого не делаешь. «Не она [деонтическая семантика – И.Н.] соответствует объекту или событию, но те должны соответствовать ей: *иди* – значит: /ты не идёшь/ и ты должен идти; *не думай так* – значит: /ты думаешь так/ и ты не должен так думать» [9, с. 297]. Получается, что виртуальное, полагаемое как должное, вытесняет из картины мира реальное, полагаемое как недолжное. Должное переводится в план эксплицитного выражения, реальное вытесняется в область импликации.

Повеление – это самый радикальный случай контрфактического обозначения, поскольку в нём происходит полная подмена реального виртуальным, фактического контрфактическим. *Modo Imperativo* не предполагает даже минимального сближения фактического и контрфактического, которое имеет место в модусах контрарности (что мы видели в уступке и в условном гипотетическом периоде). Поэтому этот глагольный модус по праву может быть назван *абсолютно неистинным наклонением*: реальное положение дел в нём отрицается: эксплицитно обозначено то, чего нет, но что должно быть, в область импликации уходит то, что реально есть, но чего не должно быть.

Повелительное наклонение попадает в разряд модусов деонтической логики. Деонтическую трактовку истины дает Г.Х. фон Вригт, который вводит понятие «деонтической предикации» [4, с. 274]. Истинным здесь полагается не то, что есть (или полагается как существующее), а то, что должно быть. Должное «узурпирует» право истины у реального. Возникает истинностная конкуренция между реальным и должным, где должное отрицает реальное. Императив достаточно «прямолинейным» образом отрицает реальное. В модусах зависимого модального таксиса (которые будут рассмотрены ниже) можно видеть более гибкие формы такого отрицания.

Не забудем, что мы рассматриваем повеление как один из видов модального таксиса, в котором реализуется контрадикторное отношение двух суждений, предполагающее полное истинностное подавление одной единицы таксиса со стороны другой: реального виртуальным. Обе единицы не могут быть представлены в плане выражения, одна из них (та, которая отвечает реальному положению дел) вытесняется в область импликации.

Противоположность не уничтожает другую противоположность. Противоречие означает непримиримое, взаимоисключающее отношение между единицами таксиса.

3. ИСТИННОСТНЫЕ МОДУСЫ ЗАВИСИМОГО МОДАЛЬНОГО ТАКСИСА

3.1. Общие характеристики зависимого модального таксиса

По формально-грамматическим признакам к формам зависимого модального таксиса мы относим сложноподчинённые синтаксические структуры, в которых подчинённое предложение размещает функцию одного из членов главного предложения, то есть играет роль одного из актантов при сказуемом главного предложения (подлежащего, дополнения, обстоятельства) или роль

определения при одном из субстантивных членов главного предложения. Тот элемент в главном предложении, к которому прикреплено придаточное, – глагол или тот или иной приглагольный актант, – играет роль модального оператора, управляющего модальной морфологией глагола придаточного. Таким образом, связь главного предложения и придаточного с формальной точки зрения представляет собой единый предикативный комплекс, в котором вместе с тем происходит относительное внутреннее предикативное разъединение двух частей единой синтаксической структуры, требующее модального маркирования.

Для зависимого таксиса характерна внутренняя модально-фактуальная разделённость. Семантики двух предикаций принадлежат разным мирам: первая главная – миру мнения, вторая подчинённая – миру обозначаемого внешнего события. Это два *параллельных* мира, две *параллельных реальности*. Получается, что в едином сложноподчинённом синтаксическом комплексе соединены и в то же время формально разделены два референциально несовместимых события⁵, которые дополняют друг друга. Второе находится в истинностной зависимости от первого.

Истинностная зависимость придаточного предложения от главного в зависимом модальном таксисе является *односторонней* – в отличие от независимого модального таксиса, в котором истинностная зависимость двух единиц таксиса является двусторонней, взаимной (напр., в уступке, в условном гипотетическом периоде). Взаимное истинностное подчинение двух единиц независимого таксиса друг другу мы называем экстенциональным: в нём речь идёт об истинностном соотношении объёмов двух внешних друг другу предикаций. То истинностное подчинение придаточного предложения главному, которое мы видим в зависимом таксисе, мы называем интенциональным.

В зависимом модальном таксисе (при интенциональном определении) смысловое условие истинностной контекстуализации является внутренним и выражается через семантику модального оператора. Модальный оператор опосредует связь фактического и контрфактического в предметном понимании представляемой в предложении картины мира (при этом одна сторона понимания присутствует в имплицитном плане, другая – в эксплицитном плане). В независимом модальном таксисе нет модального посредника, два предложения соотносятся и противостоят одно другому непосредственно, вытесняя друг друга из видимого мира.

Обращаясь к материалу зависимого таксиса, мы вступаем в сферу интенциональной (модальной) логики, главным вопросом которой является отношение значения и смысла в рамках единой логико-семантической структуры. Данное отношение является модально-интерпретационным. В грамматике предложения это раскрывается как структурное разделение модуса и диктума, где роль модуса играет главное предложение, роль диктума – подчинённое придаточное. Модус и диктум функционально обуславливают друг друга.

В терминах современной модальной логики понятия модуса и диктума коррелируют с более широкими логико-философскими категориями. Диктум может быть отнесён к сфере эмпирического знания. Модус – к сфере теоретического интерпретационного знания. Диктум – то, что подлжит пониманию, предмет понимания. Модус – собственно само понимание: функция и результат понимания. Грамматика (мы имеем в виду, прежде всего, грамматику португальского языка) в предельно сжатой форме демонстрирует нам различные модально-истинностные отношения двух частей зависимого модального таксиса друг к другу – модуса и диктума.

В масштабе философской логики, в тотальном охвате научного знания, отношение эмпирического и теоретического трактуется в абсолютных терминах и понимается *вертикально*. Логике интересуют реальная истинность реального научного знания, где одна парадигма отношения теории и эмпирии в историческом развитии науки сменяет другую. Речь идёт об установлении

5 Используя термины Р.О. Якобсона, можно сказать, что здесь в единой структуре таксиса связываются «факт события» и «факт сообщения». Напомним, что Р. Якобсон определял таксис как то отношение, которое «... характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [18, с. 101].

абсолютного значения истинности. В тотально историческом подходе теория зависит от эмпирии: эмпирия верифицирует или фальсифицирует теорию (со времён Аристотеля известно, что теория в науке проверяется практикой).

В грамматическом масштабе рассмотрения, в границах отдельной синтаксической связи мы говорим о *горизонтальном* отношении теоретического и эмпирического, соответственно, модуса и диктума. Модус условно выполняет роль теоретической стороны понимания, диктум – роль практической стороны. Данное отношение не может иметь абсолютных значений, здесь не предполагается установление конечного значения истины. Речь идёт об относительной истинностной зависимости диктума от модуса. Функция истинностного соответствия реальности устанавливается по модусу, а не по диктуму: теория проверяет практику, а не наоборот. Таким образом, диктум зависит от модуса в своём истинностном статусе. Истинностным верификатором и/или фальсификатором в синтагматике зависимого таксиса является модус, а не диктум.

3.2. Логика возможных миров в семантике зависимого модального таксиса

Семантика отношений модуса и диктума в зависимом таксисе достаточно разнообразна. Модус верифицирует или фальсифицирует диктум, то есть подтверждает или отменяет истинностный статус диктума, что маркируется соответствующей морфологией глагола-сказуемого диктумной части сложноподчинённой пропозиции: сохранение истинного статуса маркируется формой *Modo Indicativo*, отмена истинного статуса маркируется формой *Modo Conjuntivo*.

(14) *Estou feliz que essa época do ano tão bonita já chegou* (Я счастлив, что эта пора года, такая прекрасная, уже **пришла**).

(15) *Nós devemos estar contentes que ela quer se casar com um rapaz sério* (Мы должны **быть довольны**, что она **хочет выйти замуж** за серьёзного юношу).

В данных высказываниях модус (*estou feliz que...*; *devemos estar contentes que ...*) не отменяет истинностного статуса диктумной части таксиса. Поэтому глагол-сказуемое диктумной части, при помощи которого обозначается осмысливаемая в модальной части предметная ситуация, имеет форму *Modo Indicativo*, то есть форму, отображающую реальное событие. Это – верифицирующее отношение модуса и диктума. Однако возможны и другие ситуации, когда реальное событие под влиянием модуса теряет свой истинный статус, то есть фальсифицируется, что маркируется формой *Modo Conjuntivo* глагола-сказуемого придаточного предложения. Конечно, в реальном понимании картины мира никто и не подумает считать данное событие ложным: всем понятно, что речь идёт о реально имеющем место событии. Но в условиях модальной грамматической зависимости происходит относительная условная модально-истинностная фальсификация события, что маркируется соответствующей модальной формой глагола.

(16) *Eu fiquei muito feliz que alguém estivesse me levando a sério* (Я был очень счастлив, что кто-то **воспринимает меня всерьёз**).

(17) *A mãe de Coy ... afirmou estar contente que Coy possa regressar à escola* (Мама Коя ... заявила, что она **довольна**, что Кой **может вернуться** в школу).

В этих примерах те же модальные операторы требуют перевода глагола-сказуемого придаточного в форму *Modo Conjuntivo*. Назовём такие случаи перевода истинного в неистинный план *ложной, или истинностно неадекватной, фальсификацией*. Ложная фальсификация – это модальная синтаксическая связь, в которой обозначаемое в придаточном предложении реальная ситуация или событие маркируется под действием модального оператора главного предложения формой *Modo Conjuntivo*, то есть формой ложной модальности. Фактическое событие обозначается как контрфактическое (при этом все понимают, что это событие остаётся частью реальной картины мира). Ложная фальсификация – весьма характерный модус в структурах зависимого модального таксиса в португальском языке:

(18) *A delegação estranhou que esta moção não fosse apreciada* (Делегация **выразила своё удивление тем, что это предложение не было оценено положительно**).

(19) *É de lamentar que o acordo não faça referência ao contexto regional mais amplo* (Можно сожалеть, что соглашение **не ссылается** на более широкий региональный контекст).

(20) *É de se admirar que tenham durado tanto* (Можно удивляться, что это **длилось** столько времени).

Мы видим, что в структурах зависимого модального таксиса функция истинностного определения обособляется от предметной семантики, делегируется модальному оператору. Модальный оператор (элемент главного предложения) играет роль связки (посредника) между двумя мирами – реальным и возможным, состоявшимся и несостоявшимся. Модальная семантика фиксирует момент *перехода* между реальным миром и виртуальным. Два мира находятся в *одном истинностном измерении*, но мыслятся как противоположные или как альтернативные друг другу. При этом один мир представлен эксплицитно (в семантике придаточного предложения), второй присутствует в импликации. Каждый из миров мыслится как логическая альтернатива другому, как иное другого. Происходит то, что можно назвать фальсификацией одного мира через другой. Один мир отрицает истинность другого мира. Модальный оператор характеризует силу, или степень такого отрицания.

Выше мы уже использовали понятие «мир», разграничивая главную модальную и подчинённую предметно-семантическую части в структуре зависимого модального таксиса. Во избежание смешения понятий следует определиться с терминологическим статусом понятия «мир» в первом случае и во втором. В первом случае мы использовали термин «мир» для функционального разграничения мира прагматики и мира предметной семантики в структуре зависимого модального таксиса. Во втором случае мы используем термин «мир» для разграничения мира реального и мира виртуального (потенциального).

Мир прагматики и мир обозначаемой внешней реальности в семиотике речевой деятельности неразрывно связаны и сосуществуют параллельно друг другу. Между прагматикой и предметной семантикой не может быть логического отношения в привычном понимании этого термина (то есть отношения конъюнкции, дизъюнкции или импликации), их нельзя противопоставить друг другу, между ними не может быть истинностной конкуренции.

Отношение мира реального и мира виртуального – это семантическое отношение иной природы. Прежде всего, эти два мира экзистенциально родственны, принадлежат одному измерению мысли, логически *совместимы* в одном времени и в одном пространстве. Реальный мир – это мир существующий, мир состоявшийся. Виртуальный мир – мир, которого нет: уже нет или ещё нет, который мог бы быть или должен был быть, или который может быть или должен быть. Одним словом, виртуальный мир – это мир ещё или уже не состоявшийся. Между двумя мирами существует истинностная логическая конкуренция, они вытесняют друг друга из области истинного понимания. Виртуальный мир – это мир, истинностно альтернативный реальному.

Семантика возможных миров – это совокупность «идеальных альтернатив». Однако в зависимом модальном таксисе мы имеем дело не с множеством возможных альтернатив, а с *одной* альтернативой, которая отрицает истину реального мира. Это – деонтическое, по сути, отрицание. В «семантике возможных миров», если мы операционально привязываем ту или иную виртуальную альтернативу к реальному, действует деонтическая логика: должное отрицает реальное как недолжное. Реальное (реальное положение дел) истинно экзистенциально. Возможный мир истинен потенциально. Между ними возникает истинностный конфликт, истинностная «война миров»: мира возможного с миром реальным. Всё это мы можем видеть в структуре зависимого модального таксиса, что маркируется соответствующей глагольной морфологией в португальском языке. Кстати говоря, подобную «войну миров», правда, более радикальную и выразительно очерченную, мы уже видели в модусе повеления, где также происходит борьба должного с реальным.

Посредником между двумя мирами – реальным и виртуальным – выступает модальный оператор, который, как мы видели выше, несёт прагматическую функцию. Прагматика не только опосредует связь мира реального и мира виртуального, но и является смысловым критерием этой связи – критерием истинностного модального отрицания одним миром другого: миром состоявшимся мира несостоявшегося или миром ещё или уже не состоявшимся мира состоявшегося.

Важно понимать позицию мира реального и мира виртуального (возможного) в зависимом модальном таксисе. Каждый из них может оказаться как в эксплицитной части мыслимого модального отношения, так и в его имплицитной части: по ту или по другую сторону от модального оператора. Данностью, то есть эксплицитной стороной модального отношения, может оказаться реальный мир или, наоборот, мир виртуальный. Точно так же и в импликацию может уйти как мир виртуальный, так и мир реальный. И в том, и в другом случае эксплицитным маркером модального отрицания становится *Modo Conjuntivo*: отрицается при этом виртуальное реальным или, наоборот, реальное виртуальным.

Истинностную «победу» в любом случае одерживает возможный мир как деонтическая альтернатива реальному миру. Здесь возможны два варианта: во-первых, это может быть *эксплицитная* победа виртуального, как должного, над реальным и, во-вторых, это может быть *имплицитная* победа виртуального, как должного, над реальным. В первом случае реальное уходит в импликацию, а виртуальное представлено эксплицитно как должное (например, в модусе повеления, желания). Во втором случае потенциальная виртуальная альтернатива остаётся в импликации, а реальное представлено эксплицитно в плане выражения (например, при сожалении, удивлении, возмущении и пр.). Интересно то, что как в первом, так и во втором случае эксплицитная часть (сторона) зависимого модального таксиса маркируется формой *Modo Conjuntivo*.

В португальском языке в структурах зависимого модального таксиса использование *Modo Conjuntivo* в подчинённом предложении совсем не обязательно является маркером нереального события, то есть показателем однозначной отнесённости обозначаемого к виртуальному миру.

Именно в этом контексте мы говорим об истинностно адекватной фальсификации и об истинностно неадекватной, то есть ложной, фальсификации в зависимом модальном таксисе. Истинностно адекватной фальсификацией (виртуализацией) мы называем те модальные глагольные обозначения *Modo Conjuntivo*, которые указывают на потенциальное событие. Здесь *Modo Conjuntivo* отвечает своему прямому предназначению: обозначает нереальное событие. Неадекватной, или ложной, фальсификацией (виртуализацией) мы называем те модальные глагольные формы *Modo Conjuntivo* в семантической части зависимого таксиса, которые обозначают реальное событие как виртуальное. Таким образом, *Modo Conjuntivo* выполняет двойственную фальсифицирующую функцию: в одних случаях – подлинную (адекватную), в других – ложную (неадекватную). И в том, и в другом случае виртуальное должное фальсифицирует реальное как недолжное: в первом случае – эксплицитно (уводя реальное в импликацию и само переходя в эксплицитный план), во втором случае – имплицитно (оставаясь само в импликации, но требуя эксплицитного обозначения реального события как неистинного через форму *Modo Conjuntivo*).

3.3. Контрфактические модусы зависимого модального таксиса.

Семантика истинностного отрицания

По характеру смысловой нагрузки мы различаем три контрфактических модуса зависимого модального таксиса: 1. Прямо-деонтический; 2. Проблематический; 3. Ложно- или обратно-деонтический. В каждом из модусов в семантической части сложноподчинённого комплекса в португальском языке используется форма *Modo Conjuntivo*.

I. Прямо-деонтический модус показывает нам адекватную фальсификацию семантики диктума в структуре зависимого модального таксиса. Иначе говоря, виртуальное маркируется как виртуальное – формой *Modo Conjuntivo*:

(21) *Não quero que ele faça assim (Я не хочу, чтобы он так поступал).*

(22) *É importante que tudo fique na mesma (Важно, чтобы всё оставалось, как прежде).*

В этих примерах диктальная часть представлена придаточным цели. Модальный оператор, выражающий модус пожелания/желательности, требует модализации глагола придаточного: перевода его в форму *Modo Conjuntivo*. Формально диктум выражает то, чего нет, но что должно наступить. Это – ещё не наступившая реальность, значение которой виртуализуется посредством формы *Modo Conjuntivo*. Отметим имплицитную сторону диктума, то есть ту реальность, которой

он альтернативен и которую отрицает. В конструкции *Não quero que ele faça assim* (Я не хочу, чтобы он так поступил), имплицитруется то, что он поступает именно так* или может поступить именно так*, и эту семантику данный модус отрицает. Данная форма зависимого модального таксиса напоминает модус императива.

II. Проблематический модус является наиболее слабой формой истинностного отрицания. Взаимное отрицание двух миров, эксплицитного и имплицитного, теряет семантику долженствования, перестаёт быть деонтическим. Два мира подаются как равновозможные. Истинностная неопределённость маркируется формой *Modo Conjuntivo* глагола придаточного предложения.

(23) *É possível que alguém esteja aqui antes dele* (Возможно, что кто-то будет здесь раньше него).

(24) *É pouco provável que alguém tenha estado aqui antes dele* (Маловероятно, что кто-то был здесь раньше него).

В этих примерах степень модального отрицания между эксплицитной семантикой диктума и её имплицитруемой виртуальной альтернативой снижается. Однозначного семантического отрицания альтернативы как неистинной (как в прямо-деонтическом модусе) не возникает. Сохраняется скрытая неопределённость между двумя альтернативами. Мир как бы разделён на две части (стороны), каждая из которых одинаково реальна и столь же одинаково нереальна (кто-то будет раньше или не будет раньше; кто-то был раньше или не был раньше). Две альтернативы мыслятся как равные и в то же время как конкурирующие друг с другом за истинностный статус. Истинностная «конкуренция» двух миров регулируется модальным оператором.

Примеры (23), (24) выражают объективную возможность иного понимания или потенциально иного развития ситуации. Имеется также ряд субъективных операторов проблематической модальности в зависимом модальном таксисе, которые выражают аналогичное конкурентное отношение между истинностными альтернативами.

(25) *Espero que gostem do que eu vos direi* (Надеюсь, что вам понравится то, что я вам скажу).

(26) *Duvido que eles tenham gostado do que lhes disseste* (Сомневаюсь, что им понравилось то, что ты им сказал).

(27) *Receio que ele já tenha partido* (Боюсь, что он уже уехал).

В этих примерах также при помощи *Modo Conjuntivo* выражается скрытая возможность иного взгляда на описываемое событие, взгляда как бы с обратной стороны.

III. Наконец, выделим ту группу модальных операторов, которые требуют перевода глагола-сказуемого придаточного предложения, обозначающего реальное событие, в форму *Modo Conjuntivo*. Назовём их ложно-фальсифицирующими операторами. На их основе возникает ложно-деонтический модус зависимого модального таксиса. Здесь обозначаемое в придаточном предложении реальное событие под влиянием модального оператора в главном предложении условно переводится в разряд неистинного.

(28) *Me indigna que alguns jornalistas medíocres façam dele um monstro desumano* (Меня возмущает, что некоторые посредственные журналисты делают из него бесчеловечного монстра).

(29) *Não me agrada que me tenhas mentido* (Мне не нравится, что ты мне солгал).

(30) *É bom que nos oponhamos veementemente a esse gênero de práticas* (Хорошо, что мы решительно выступаем против такого рода практик).

(31) *De fato, é surpreendente que isso ainda não tenha acontecido* (В самом деле, удивительно, что это ещё не произошло).

(32) *É uma maravilha que ele tenha conseguido o emprego* (Это чудесно, что он смог получить работу).

В этих примерах за семантикой придаточных предложений имплицитруется некоторая несостоявшаяся альтернатива, которая должна была бы иметь место, но так и не наступила, не стала реальностью. Утверждается то, что не должно иметь место или не должно было произойти, но произошло, а то, что должно иметь место или должно было произойти, переходит в область импликации как несостоявшееся. Такого рода истинностное отношение между реальным и виртуальным в зависимом модальном таксисе можно назвать также *обратно-деонтической модальностью*. Здесь утверждается недолжное, а должное имплицитруется. Нереальное должное мыслится

как потенциально истинное, а реальное недолжное – как потенциально неистинное. В силу этого эти модусы зависимого модального таксиса мы называем модусами ложной истинностно неадекватной фальсификации.

К этому разряду фальсифицирующей семантики мы относим также операторы субъективного отрицания очевидного, общеизвестного.

(33) *Ele **nega** que duas vezes dois **seja** quatro* (Он **отрицает**, что дважды два **будет** четыре).

Во всех приведённых примерах модальное грамматическое подчинение разворачивается линейно: от левой части к правой, от главного предложения к подчинённому. Однако нельзя не видеть также, что в рамках общего синтаксического периода функционально правая часть играет роль подлежащего, а левая – роль предиката-сказуемого. Предикативное отношение разворачивается в обратном направлении: от правой части к левой. Такое распределение функциональных ролей повторяет структуру пассивно-каузативной диатезы, где семантическая «инициатива» принадлежит подчинённой части синтаксического периода. Левая (главная) часть выражает мнение. Однако причиной данного мнения является правая (подчинённая) часть. Правая часть находится в истинностной зависимости от левой. Левая часть находится в каузативной зависимости от правой. Внешнее формально-грамматическое подчинение и внутреннее каузативное подчинение действуют в структуре зависимого модального таксиса разнонаправленно. Такое развитие пассивно-каузативной диатезы выделяет А.Н. Гуров⁶.

Пассивно-каузативная диатеза сохраняет своё направленное действие, даже если в главном предложении появляется своё формальное подлежащее.

(34) *Ela **estranhou** que com toda essa conversa sobre indústrias e negócios **não se falasse** uma palavra sobre a greve* (Она **удивилась**, что при всех этих разговорах о промышленности и бизнесе **не было сказано** ни слова о забастовке).

(35) *Não gosto que vocês me **comparem** com os outros* (Мне **не нравится**, что вы меня **сравниваете** с другими).

(36) *Lamento que **não tenha aproveitado** a ocasião que lhe oferecemos* (Я **сожалею**, что Вы **не воспользовались** возможностью, которую мы Вам предоставили).

В этих предложениях правая подчинённая часть формально выполняет роль прямого дополнения. Однако это не меняет внутреннюю смысловую динамику диатезы, которая разворачивается по той же схеме: от правой семантической части к левой модальной. Здесь также первична каузация, вторична – модализация. Во всех случаях смысловой вершиной является мнение.

3.4. Другие случаи модализации в структуре зависимого модального таксиса

Ряд случаев истинно-фальсифицирующей модализации в структурах зависимого модального таксиса выходит за рамки пассивно-каузативной парадигмы. К этим случаям мы относим: – придаточные определительные, характеризующие возможный объект; – придаточные подлежащие, получающие экзистенциальную характеристику через семантику предиката главного предложения; – придаточные дополнительные, выражающие переход действия на объект (с опорой на активно-каузативную диатезу).

В придаточных определительных, характеризующих возможный объект, может использоваться фальсифицирующая модальная семантика *Modo Conjuntivo*:

⁶ Пассивно-каузативная диатеза опирается на семантику так называемых обратных каузативов [5, с. 73–81]. Их иногда именуют также полуккаузативами [8, с. 155]. Для обратных каузативов характерна неполная каузативная цепочка – цепочка половинного состава. Это значит, что лежащая в основе предложения диатеза замыкается на субъекте и не переходит в своем развитии на объект. Например, *Ela **adora** seus filhos* (Она **обожает** своих детей); *Ele **lamentou** o que tinha acontecido* (Он **сожалел** о том, что произошло). В этих предложениях показывается, что субъект испытывает определённое чувство или эмоцию, которое вызывает у него объект. Однако обратного влияния на объект это чувство не оказывает. В обычных – прямых каузативах на первый план выходит переходность действия на объект: причиной изменения объекта является субъект [11, с. 5].

(37) *A Rita procura **um livro** que **tenha** gravuras do Porto* (Рита ищет **книгу**, в которой **есть** / **были бы** фотографии города Порту).

(38) *Apesar de todos os alertas, é **raro o dia** em que **não se registem** acidentes na auto-estrada A-63* (Несмотря на все предупреждения, – редкий день, в который на трассе А-63 **не происходят** / **не происходили бы** дорожно-транспортные происшествия).

Важным показателем, от которого зависит использование форм *Modo Indicativo* или *Modo Conjuntivo* в придаточном определительном, является отнесённость определяемого существительного к открытому (незамкнутому) или закрытому (замкнутому) множеству. Неопределённый артикль является показателем отнесённости существительного к открытому множеству. Определённый артикль обычно характеризует отнесённость существительного к закрытому множеству. В примере (37) неопределённость субстантивного оператора (*um livro*) переносится на модальную функцию глагола придаточного. Форма *Modo Conjuntivo* в придаточном определительном показывает, какой *должна* быть та книга, которую ищет Рита, то есть привносит в контекст семантику деонтической модальности.

Определённый артикль обычно не требует истинностной модализации глагола придаточного, оставляя его на уровне истинностной констатации: форма *Modo Indicativo* глагола придаточного указывает, какой является книга, которую ищет Рита, а не какой та должна быть: *A Rita procura o livro que **tem** gravuras do Porto* (Рита ищет /**ту самую**/ **книгу**, в которой **имеются** фотографии города Порту). Форма *Modo Indicativo* показывает, что книга определённо присутствует в том множестве, к которому обращается Рита. Форма *Modo Conjuntivo*, напротив, показывает, что в том множестве, к которому в своём поиске обращается Рита, этой книги может не быть.

Большой интерес представляет использование *Modo Conjuntivo* в придаточных экзистенциального статуса.

(39) Например, описание ситуации, в которой школьники после каникул приходят в школу с какими-то новыми вещами: *Havia quem trouxesse mochilas novas, botas, pastas...* (**Были** /*me*/, кто **принес** с собой новые ранцы, обувь, портфели).

(40) *Os EUA e Taiwan não mantêm relações diplomáticas oficiais..., mas é **comum que** os governantes taiwaneses **se reúnam** com os congressistas ou senadores* (США и Тайвань официально не поддерживают дипломатических отношений..., но /**стало**/ **обычным**, что члены руководства Тайваня **встречаются** с американскими конгрессменами и сенаторами).

(41) *Não tardou que a guia **retomasse** a explicação* (**Не прошло много времени**, как гид **возобновила** своё объяснение).

В примерах (39), (40), (41) мы видим ложную фальсификацию события. Это значит, что в них то, что реально есть или состоялось как факт, обозначается при помощи формы *Modo Conjuntivo*, то есть формы условно неистинного наклонения. Другими словами, фактическое реальное обозначается как условно нереальное. В этих примерах мы также усматриваем скрытую деонтическую модальность. Так, в примере (39) семантику деонтической модальности можно представить в виде следующего русского перевода: *Были те, что **должен был** /**бы**/ **принести** с собой новые ранцы, обувь, портфели...* Пример (40) можно перевести через придаточное цели: ... /**стало**/ **обычным, чтобы** члены руководства Тайваня **встречались** с американскими конгрессменами и сенаторами. Любое придаточное цели содержит в себе скрытую деонтическую семантику.

Ложную фальсификацию события в ряде случаев можно видеть также в придаточных дополнительных, подчинённых переходному глаголу в главном предложении.

(42) *Conflitos internos **levaram a que** o reino visigótico **fosse derrotado** pelas tropas islâmicas* (Внутренние конфликты **привели к тому**, что вестготское королевство **было разгромлено** исламскими войсками).

(43) *Estes cortes **fizeram com que** as despesas **caíssem*** (Эти ограничения **привели к тому**, что цены **упали**).

В примерах (42) и (43) также присутствует скрытая деонтическая диатеза, что можно проверить русским переводом, поставив глагол-сказуемое в форму несовершенного вида и употребив вместо союза «что» союз «чтобы»: Внутренние конфликты **вели к тому, чтобы** вестготское

королевство **было разгромлено** исламскими войсками; Эти ограничения **вели к тому, чтобы** цены упали. Португальский язык и после перфектной формы глагола в главном предложении использует форму *Modo Conjuntivo* в придаточном.

Как можно видеть, зависимый модальный таксис обладает большим семантическим разнообразием. Некоторые виды модальных операторов обладают двойственной модализирующей функцией, позволяя как сохранять глагол-сказуемое придаточного предложения в прямом верифицирующем истинностном модусе, то есть в форме *Modo Indicativo*, так и переводить его в условно фальсифицирующий неистинный модус, то есть в форму *Modo Conjuntivo*.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Истинностное контекстное согласование предложений определяется как модальный таксис. Отношение модального таксиса опирается на семантику предикативных модальностей, виды которой закрепляются в языке в морфологии глагольных наклонений. Модальный таксис в португальском языке высоко дифференцирован и подразделяется на сферы независимого и зависимого таксиса. Каждый из них представляет соответствующее логическое измерение модального таксиса.

2. В структурах независимого модального таксиса реализуется отношение истинностного согласования двух внешних друг другу событий. В основе истинностного модального согласования может лежать отношение логической контрарности или отношение логической субконтрарности. К этим структурам относятся: 1) уступительный период (фактическая контрарность), 2) условный гипотетический период (контрафактическая контрарность), 3) обычная последовательность истинностно не обуславливающих друг друга предложений (фактическая субконтрарность), 4) связь главного предложения и обстоятельственного придаточного, при которой глагол-сказуемое последнего указывает на потенциальную границу действия (темпоральную, логическую), выражаемого глаголом главного предложения (контрафактическая субконтрарность).

3. В структурах зависимого модального таксиса реализуется отношение модального подчинения придаточного предложения главного. В основе модального подчинения лежит отношение логической фальсификации, в котором семантика возможного (потенциального) мира отрицает истинность семантики реального мира. Это – *деонтическое* по сути отрицание: реальное мыслится как недолжное и неистинное, а возможное (ещё или уже не наступившее) мыслится как должное и истинное. Один из миров выходит в эксплицитный план, другой остаётся в имплицитном. И в том, и в другом случае глагол придаточного имеет форму *Modo Conjuntivo*. Выделяются три модуса модализации в зависимом модальном таксисе: 1) прямо-деонтический, 2) проблематический, 3) ложно- или обратно-деонтический.

4. В целом, семантика предикативных модальностей в португальском языке строится и дифференцируется на базе оппозиции фактического и контрфактического. В независимом модальном таксисе истинностным приоритетом пользуется фактическое (реальное положение дел). В зависимом модальном таксисе приоритетом пользуется контрфактическое (виртуальное положение дел, мыслимое как должное). Наиболее сильной формой подавления фактическим контрфактического является уступка. Наиболее сильной формой подавления контрфактическим фактического является повеление. Истинностный паритет между фактическим и контрфактическим имеет место в условном гипотетическом периоде (в независимом таксисе) и в проблематическом модусе (в зависимом таксисе).

© Н.В. Иванов, 2025

Список литературы

1. Архипова И.В. Непрототипический таксис и межъязыковая вариативность. // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Тематический выпуск: Взаимодействие языков и культур: традиции и инновации. Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2021. № 3. С. 16–25.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.
3. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса. // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. (отв. ред. А.В. Бондарко). Л.: Наука, 1987. С. 234–242.
4. Вригт Г.Х. фон. О логике норм и действий. // Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования. Избр. тр.: Пер. с англ. и общ. ред. Г.И. Рузавина и В.А. Смирнова. Сост. и авт. предисл. В.А. Смирнова. М.: Прогресс, 1986. С. 245–290.
5. Гуров А.Н. Функциональная семантика и позиции актантов в синтаксических конструкциях с переходным глаголом (на материале испанского, русского и английского языков). Дисс. на ... к. филол. н. М., 2013. 179 с.
6. Дружинин А.С. Когнитивно-прагматические особенности контрфактивных грамматических конструкций в американском предвыборном дискурсе 2000–2012 гг. Автореф. дисс. на ... канд. филол. наук. М., 2014. 20 с.
7. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность [Текст] / А.В. Зеленщиков. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 244 с.
8. Иванов Н.В. Актуальное членение предложения в текстовом дискурсе и в языке (по материалам сопоставительного изучения португальских и русских текстов): Монография. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2010. 215 с.
9. Иванов Н.В. К логическим основаниям системы грамматических модальных значений в португальском языке // Структурная метафизика языка и феноменология языкового дискурса: критерии системных интерпретаций. Материалы IX Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 27 июня 2015 года. (ред. Н.В. Иванов). М.: ЗАО «Книга и бизнес», 2015 г. С. 388–402.
10. Иванов Н.В. Модальные категории португальской грамматики в зеркале логического анализа – I. // Филологические науки в МГИМО. 2024. 10(4), С. 8–21.
11. Иовенко В.А. Синтаксис и семантика лексических каузативов в испанском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981. 28 с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
13. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. Сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с. (С. 310) (классики отечественной филологии).
14. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. // Пражский лингвистический кружок (сборник статей). М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
15. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 5-е стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2016. 384 с.
16. Строгович М.С. Логика. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. 362 с.
17. Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания № 2. 2003. С.32–54.
18. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. М., 1972. С. 98–105.
19. Cunha C., Cintra L. Nova Gramática do Português Contemporâneo. 7ª edição. Lexicon Editora Digital. Rio de Janeiro. Brasil. 2008. 795 p.
20. Mateus M.H.M., Brito A.M. Duarte I., Faria I.H. Gramática da Língua portuguesa. Lisboa: Editorial Caminho, 2003. 1127 p.
21. Jakobson R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb. // Jakobson R. Russian and Slavic Grammar. Studies 1931–1981. Mouton Publishers. Berlin– New York – Amsterdam, 1984. P. 41–58.

References:

1. Arkhipova, I.V. Neprototipicheskiy taksis i mezhyazykovaia variativnost [Non-prototypical taxis and inter-lingual variety] // Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. Tematicheskii vypusk: Vzaimodeystvie iazykov i kultur: traditsii i innovatsii. Severo-Osetinskiy gosudarstvennyy universitet im. K.L. Khetagurova [Actual problems of philology and pedagogical linguistics. Thematic issue: interaction of languages and cultures: traditions and innovations]. 2021. № 3. S. 16–25. (in Russian)
2. Balli, Ch. Obshchaia lingvistika i voprosy frantsuzskogo iazyka. 2-e izd., stereotipnoe [General linguistics and French language issues]. M.: Editorial URSS, 2001. 416 s. (in Russian)
3. Bondarko, A.V., Beliaeva E.I., et al. Teoriia funktsional'noj grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost' [Functional grammar theory: Temporality. Modality] (otv. red. A.V. Bondarko). L.: Nauka, 1990. 263 s. (in Russian)
4. Wright, G.H. von. O logike norm i dejstvij. [On the logic of norms and action] // Wright G.H. von. Logiko-filosofskie issledovaniya. Izbr. tr.: Per. s angl. i obshch. red. G.I. Ruzavina i V.A. Smirnova. Sost. i avt. predisl. V.A. Smirnova. M.: Progress, 1986. S. 245–290. (in Russian)
5. Gurov, A.N. Funktsional'naiia semantika i pozitsii aktantov v sintaksicheskikh konstruktiiakh s perekhodnym glagolom (na materiale ispanskogo, russkogo i anglijskogo iazykov) [Functional semantics and positions of actants in syntactic constructions with a transitive verb (based on material from Spanish, Russian and English)]. Diss. na ... k. filol. n. M. 2013. 179 s. (in Russian)
6. Druzhinin, A.S. Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti kontrfaktivnykh grammaticheskikh konstruktсий v amerikanskom predvybornom diskurse 2000–2012 gg. [Cognitive and pragmatic features of counterfactual grammatical constructions in the American election discourse 2000–2012]. Avtoref. diss. nA... kand. filol. nauk. M., 2014. 20 s. (in Russian)

7. Zelenshchikov, A.V. *Propozitsiia i modalnost* [Proposition and modality] / A.V. Zelenshchikov/. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta. 1997. 244 s. (in Russian)
8. Ivanov, N.V. *Aktual'noe chlenenie predlozheniia v tekstovom diskurse i v iazyke (po materialam sopostavitel'nogo izucheniia portugal'skikh i russkikh tekstov): Monografiya* [Actual division of the sentence in text discourse and in language (based on materials of comparative study of Portuguese and Russian texts): Monograph] M.: Izdatel'skij tsentr «Azbukovnik», 2010. 215 s. (in Russian)
9. Ivanov, N.V. K logicheskim osnovaniiam sistemy grammaticheskikh modal'nykh znachenij v portugal'skom iazyke [To the logical foundations of the system of grammatical modal meanings in the Portuguese language] // *Strukturnaya metafizika iazyka i fenomenologiya iazykovogo diskursa: kriterii sistemnykh interpretatsij* [Structural metaphysics of language and phenomenology of language discourse: criteria of systemic interpretation]. Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po aktual'nyim problemam teorii iazyka i kommunikatsii. 27 iyunya 2015 goda. (red. N.V. Ivanov). M.: ZAO «Kniga i biznes», 2015. S. 388–402. (in Russian)
10. Ivanov, N.V. Modal'nye kategorii portugal'skoi grammatiki v zerkale logicheskogo analiza – I [Modal categories of the Portuguese grammar in the mirror of logical analysis – I] // *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2024. 10(4), S. 8–21.
11. Iovenko, V.A. *Sintaksis i semantika leksicheskikh kauzativov v ispanskome iazyke* [Syntax and semantics of lexical causatives in Spanish language]. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M., 1981. 28 s.
12. *Lingvisticheskiy ehntsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1990. 685 s. (in Russian)
13. Maslov, Yu.S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee iazykoznanie. Sost. i red. A.V. Bondarko, T.A. Majsak, V.A. Plungyan.* [Selected works. Aspectology. General linguistics. Comp. and ed. A.V. Bondarko, T.A. Maysak, V.A. Plungyan] M.: Iazyki slavianskoy kul'tury, 2004. 840 s. (S. 310) (klassiki otechestvennoj filologii). (in Russian)
14. Matezius, V. O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii predlozheniia // *Prazhskij lingvisticheskij kruzhok (sbornik statej)*. [On the so called actual division of the sentence]. M.: Progress, 1967. S.239–245. (in Russian)
15. Plungyan, V.A. *Obshchaia morfologiya: Vvedenie v problematiku: Uchebnoe posobie. Izd. 5-e stereotip.* [General morphology: Introduction to problems: School book. Ed. 5th reprint]. M.: LENAND, 2016. 384 s. (in Russian)
16. Strogovich, M.S. *Logika*. [Logic] M.: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1949. 362 s. (in Russian)
17. Khrakovskiy, V.S. Kategoriiia taksisa (obshchaya kharakteristika) [Category of taxis (general characteristic)] // *Voprosy Iazykoznanii* № 2. 2003. S.32–54.
18. Jakobson, R.O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkij glagol. [Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb] // *Printsipy tipologicheskogo analiza iazykov raznogo stroia*. M., 1972. S. 98–105. (in Russian)
19. Mateus, M.H.M., Brito A.M. Duarte I., et al. *Gramática da Língua portuguesa*. Lisboa: Editorial Caminho, 2003. 1127 p. (in Portuguese)
20. Cunha C., Cintra L. *Nova Gramática do Português Contemporâneo*. 7ª edição. Lexicon Editora Digital. Rio de Janeiro. Brasil. 2008. 795 p.
21. Jakobson R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb // *Jakobson R. Russian and Slavic Grammar. Studies 1931-1981*. Mouton Publishers. Berlin – New York – Amsterdam, 1984. P. 41–58.

Сведения об авторе:

Иванов Николай Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков им. Т. З. Черданцевой, МГИМО. Научные интересы: лингвосомиотика, лингвориторика, грамматика, теория перевода, лексикология, стилистика португальского языка.

E-mail: e-nickma@mail.ru

ORCID 0000-0002-6152-4241

About the author:

Nikolay V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), is Prof., Head of the Department of Romance Languages named after T. Z. Cherdantseva at MGIMO. Research interests: linguosemiotics, linguorhetoric, theory of translation, grammar, lexicology, and stylistics of the Portuguese.

E-mail: e-nickma@mail.ru

ORCID 0000-0002-6152-4241

* * *